

УДК 304

DOI: 10.17223/22220836/35/11

Л.В. Пейгина

ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ФАНДОМНЫХ СООБЩЕСТВАХ НА ПРИМЕРЕ ФЛЭШМОБА «Я НЕ БОЮСЬ ТВОРИТЬ»¹

В современной научной литературе, посвящённой фанфикшн и фандомным сообществам, авторский фокус обычно направлен на то, как фанфикшн своим существованием разрушает существующие в литературе иерархии, размывает границы между литературой и не-литературой, содержанием текста и его интерпретацией, автором и читателем. Целью данной работы является, с опорой на материалы флэшмоба, предложить новый взгляд на творческую иерархию внутри русскоязычных фандомных сообществ. Анализ содержания постов в личных дневниках членов различных фандомов², принявших участие во флэшмобе «я не боюсь творить», в совокупности с данными включённого наблюдения, показывает, что, хотя фанфикшн своим существованием разрушает некоторые существующие иерархии, внутри самих сообществ с неизбежностью выстраиваются новые.

Ключевые слова: фанфикшн, фандом, фан-сообщества, авторитет, иерархия.

За последние несколько десятилетий, в течение которых fan studies формировались как отдельная область исследований, сложилась и определённая традиция осмысления вопросов власти и иерархии, касающихся фан-сообществ. Традиционно исследователи были склонны смотреть на фанфикшн как на «демократический жанр» (термин S. Pugh), «в котором граница между писателем и читателем находится в постоянном движении и легко преодолима» (цит по: [9. С. 67]). С такой же лёгкостью фанфикшн размывает границы между исходным текстом и его интерпретацией, или между разными версиями одного и того же текста. По словам A. Derecho, «фанфикшн находится в философской оппозиции к иерархии, собственности и господству одного варианта из серии над другими вариантами» (цит по: [10. С. 151]). При этом создаётся впечатление, что «демократия чтения» способна демократизировать и отношения между членами фандома. Например, C. Bacon-Smith утверждает, что никаких иерархий в сообществе нет, «и эта утопическая точка зрения представляет фандом как нечто, уравнивающее всех»³ [1. Р. 16]. И хотя существуют исследования, которые напрямую исследуют иерархию в фан-сообществах (например, [1]), это чаще всего исследование собственно

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00237).

² Исследования автора статьи показывают, что в настоящее время границы между фандомами стали настолько проницаемыми, что представляется более корректным говорить о фан-сообществе вообще как о некоем глобальном фандоме («мультифандоме»). Изначально флэшмоб затрагивал по большей части проблемы фандома вселенной «Марвел», но быстро распространился и на другие фандомы. Хотя некоторые участники указывают, к каким именно фандомам относятся их наблюдения и выводы, многие говорят о сообществе в целом. Большая часть участников состоит одновременно в нескольких фандомах. С этими оговорками в дальнейшем термины «фандом(ы)» (если не указано, что речь идёт о конкретном фандоме), фандомное(ые) сообщество(а), фан-сообщество(а) будут использоваться как взаимозаменяемые.

³ Перевод автора статьи.

«субкультурных» иерархий (сюда относится вся терминология, включающая рассуждения о «подлинных» или «настоящих» фанатах). В некоторых зарубежных публикациях демонстрируется, что культура фанатов может «подражать» официальной культуре, в частности, в построении «иерархии вкуса» и эстетической дискриминации¹. Но, насколько нам известно, не существует специальных исследований, посвященных рассмотрению вопросов власти, иерархий и творчества в русскоязычной фандомной среде. Фанфикшн – сложное и противоречивое явление, и фан-сообщества периодически становятся ареной борьбы за власть и авторитет, в том числе в вопросах творчества. Являясь сообществами, чрезвычайно склонными к саморефлексии, фан-сообщества пытаются осмыслить и эту борьбу, и показательным результатом этого осмысления стал флэшмоб «я не боюсь творить», проходивший на сайте diary.ru весной 2018 г., вовлекший множество членов сообщества и вызвавший сильный резонанс. Цель данной работы – с опорой на материалы флэшмоба предложить новый взгляд на творческую иерархию внутри русскоязычных фандомных сообществ. В число исследовательских задач входит анализ основных особенностей исследовательского дискурса fan studies в осмыслении фандомной иерархии, рассмотрение позиций, имеющих в фан-сообществе относительно творческой иерархии, выявление механизмов выстраивания иерархии в фандоме, а также сравнение творческой иерархии фандома и профессионального литературного сообщества в России.

Фанфикшн как творчество, не предполагающее получения каких-либо материальных выгод, кажется полностью выведенным за границы литературы как института. Евгения Пищикова, называя фанфикшн «школой свободного литературного высказывания» [7], указывает, что фанфикшн освобождён от прохождения оценки «авторитетным сообществом». К.А. Прасолова отмечает, что, рассматривая уникальность природы фанфикшн, исследователи обычно склонны обходить стороной вопрос о его эстетической значимости [9. С. 81–82]. Но более современные исследования, особенно русскоязычные, наоборот, редко удерживаются от попыток «реабилитировать» фанфикшн в этом смысле. И.Н. Иванова и А.С. Иванова свидетельствуют, что «художественная ценность фанфиков далеко не всегда вызывает иронию исследователя», так как некоторые тексты фанфикшн «не только не уступают канону, но и превосходят его психологизмом и философичностью» [6. С. 136]. Н.В. Самутина утверждает, что «качество» текста имеет для читателей фанфикшн очень большое значение – особенно, как уже подчеркивалось, для читателей русских² [10. С. 174]. Однако этот исследовательский дискурс размывает представление о фанфикшн как о маргинальном явлении, расположенном «между», «вне» установленных и устоявшихся представлений о «верхе» и «ниже» литературной иерархии, литературных репутаций и канонов» [4. С. 15].

¹ См., напр.: Fiske J. The cultural economy of fandom. 1992.

² Некоторые участники флэшмоба также подтверждают существование национальной специфики в вопросе внутрифандомных иерархий. Обсуждая свой страх выносить свои работы на суд общест-венности из-за чересчур строгих требований, пользователь под ником **Радужный Аркадий на красном тракторе** пишет: «Поэтому я чаще всего отношу работы только в англофандом, у них там как-то адекватнее с этим вопросом правда там есть социальная справедливость и беги, если ты шипи-риши неправославный пейринг».

Возможность функционирования литературы как института обусловлена, среди прочего, наличием властных структур, утверждающих существование иерархии, хотя современные тенденции к размыванию границ неминуемо затрагивают всю культуру. По словам К.А. Прасоловой, фанфикшн – частное проявление в литературе тенденции к «стихийной демократизации искусства» [9. С. 88]. Этот процесс находит много возражений у представителей профессионального литературного сообщества. Например, интервью 2013 г. с А.Д. Алёхиным, главным редактором журнала «Арион», носит говорящее название: «Интернет демократичен, а искусство – нет» [2]. Он же, уже в 2018 г., сетуя на то, что «редакционный портфель уже не лопаётся от жаждущих печатного станка подборок», связывает это как с развитием Интернета, так и с «упадком толстожурнальной культуры и связанным с ним <...> разрушением иерархии художественных ценностей», поскольку именно «литературные журналы служили инструментом формирования и охранения „незыблемой скалы“ словесного искусства» [3].

Разумеется, людям, находящимся наверху иерархии, трудно смириться с её исчезновением, поскольку в этом случае они лишаются власти и привилегий. Поэтому неудивительно, что многие из них защищают иерархичность системы, настаивая не только на своём праве ранжировать продукты культуры, но и пытаясь убедить всех в том, что эта иерархия объективна и существует как бы сама по себе. По этой же, вероятно, причине такой резонанс вызвало осенью 2018 г. закрытие¹ «Журнального зала» – влиятельного интернет-ресурса, долгое время являвшегося не только площадкой-агрегатором некоторых литературных журналов, но и неким аналогом наукометрической базы, подобной базам РИНЦ или Scopus, ранжирующим эти журналы. Закрытие этой площадки было объявлено «цивилизационной катастрофой» (выражение филолога и журналиста радио «Свобода» Ивана Толстого [8], с которым согласны многие), несмотря на то, что сами журналы и их собственные сайты никуда не исчезли². Понятно, что катастрофа заключалась не в том, что литераторам стало негде публиковаться, а в том, что исчез такой удобный и привычный инструмент для выстраивания иерархии, как количество «журнальных» публикаций.

Но какое отношение эти проблемы имеют к фанфикшн? Чтобы понять это, обратимся к флэшмобу, начавшемуся 22 февраля 2018 г. на сайте diary.ru (который, согласно Н.В. Самутиной, в настоящее время является важнейшим порталом, объединяющим большую часть русскоязычного фикрайтерского сообщества) с поста одного из пользователей³, посвящённого «шипперским войнам» (чрезмерно бурным дискуссиям между приверженцами разных романтических пар (пейрингов) в канонном произведении) и жесткой фандомной критике, в частности анонимной. Автор поста призвал членов фандома

¹ В июле 2019 г. «Журнальный зал» возобновил свою работу на новой платформе.

² Российские толстые журналы действительно находятся в сложном положении. В январе 2019 г. закрылся журнал «Арион», тогда же был приостановлен (и на момент работы над данной статьёй не возобновлён) выход журнала «Октябрь», журнал «Звезда» находится на грани закрытия (см., напр., [5]). Однако, как видно из хронологии, эти события произошли позже и не были связаны с закрытием «ЖЗ».

³ Все имеющиеся цитаты из постов приведены с согласия их авторов. Использование оригинальных ников согласовывалось отдельно, и некоторые участники флэшмоба предпочли анонимность.

быть толерантными к чужим взглядам и увлечениям, внимательными в критике, а также хвалить и поддерживать нравящихся авторов, поскольку это поощряет их писать дальше и выгодно для фандома в целом. Флэшмоб был подхвачен многими другими членами фикрайтерского сообщества, и фокус в дальнейшем несколько сместился. Судя по всему, члены сообщества воспользовались поводом обсудить проблемы фандома, которые беспокоили каждого из них, и круг этих проблем оказался довольно широк. Многие пользователи, в частности wozhyk, с чьей подачи **флэшмоб обретает тег «я не боюсь творить»**, развивают тему об анонимных сообществах, создающихся на портале diary.ru, в которых поведение пользователей не регулируется стандартами сетевого общения (например, запретом на obscenity лексикой или прямыми оскорблениями), и единственным требованием является анонимность. Это создаёт феномен «вторичной анонимности», когда мера анонимности, изначально присущей интернет-коммуникации, оказывается недостаточной, поскольку, тесно взаимодействуя в рамках фан-сообщества, пользователи приобретают внутри него некоторую «репутацию», которая может ограничивать их в действиях или высказываниях. Таким образом, в пространстве анонимных сообществ пользователи обретают свободу, однако, по мнению некоторых членов фандома, отсутствие правил и цензуры неизбежно раздвигает границы дозволенного, и этот эффект распространяется на весь фандом, создавая «токсичную среду». Пользователь Gergog добавляет к заявленной теме «я не боюсь творить» тему «я не боюсь писать из-под аватарки» и предлагает организовать флэшмоб фандомных рекомендаций и отзывов на понравившиеся фанфики, причём делать это предлагается «из-под аватарки» (открыто).

На новый виток обсуждения вышло после серии постов, в которых фандом описывался как культура изнасилования. Разумеется, это рифмовалось с самой темой флэшмоба, отсылающей к другому известному флэшмобу: «я не боюсь сказать» — акции, запущенной летом 2016 г. в социальной сети Facebook, в рамках которой жертвы сексуального насилия публично делились своими историями. В постах, рассматривающих фандом как культуру изнасилования, описывались жёсткая иерархия в фандоме, особенно в прошлые годы, произвол «фандомных монстров» (опытных членов фандома, приобретших популярность и влияние), текстовые архивы, в которых можно было разместить свой фанфик лишь по приглашению (или с условием прохождения модерации), претензии хозяев архивов или членов редколлегий на право ранжирования текстов, а также случаи травли авторов. Реакция сообщества на посты была бурной и неоднозначной. Часть пользователей была возмущена употреблением термина «культура изнасилования» по отношению к критике текста; другие же отмечали, что в своей аргументации противники подобного сравнения используют ту же риторику, что и люди, оправдывающие насилие: автор, выкладывающий текст в Сеть, якобы провоцирует критика высказаться, подобно тому, как жертва своим «вызывающим» поведением «провоцирует» насильника напасть. Внутрифандомное обсуждение правомерности заимствования этой лексики интересно само по себе, но более важным кажется отметить, что, хотя в научной литературе фанфикшн и прежде обсуждался в феминистском дискурсе, например, в контексте слэша как про-

тивостояния патриархальным романтическим моделям¹, как голос женщин и меньшинств, критикующих господствующую культуру², или как борьба женщин за право читать и писать для удовольствия³, но до сих пор речь шла о борьбе членов сообщества с внешним миром и культурой. Здесь же мы видим пример сознательного использования феминистского дискурса в качестве стратегии борьбы внутри самого сообщества.

Бурная дискуссия развернулась вокруг самой идеи иерархии и произвола «фандомных монстров». Многие пользователи соглашались с этой идеей и приводят многочисленные примеры из своей творческой жизни. Другие гораздо более критичны. В блоге одного из участников фандома, в комментариях к записи, где хозяин дневника недоумевает по поводу одного из постов флэшмоба, разворачивается беседа нескольких пользователей, состоящих в фандоме многие годы и, в общем, имеющих право носить звание тех самых «монстров фандома». Почти все участники этой дискуссии выражают недоумение по отношению к тезисам флэшмоба, иронизируют над титулом «монстров», с ностальгией вспоминают старые времена, возражают по поводу некоторых положений, в частности, о том, что для новичка в фандоме невозможно было опубликоваться. По мнению «старожилов», хотя «закрытые» площадки существовали, возможностей всегда было хоть отбавляй. Кипучие фандомные дискуссии они вспоминают с удовольствием, и хотя признают, что некоторые их участники могли высказаться резко, это никого особо не травмировало, даже веселило, а высказывание читателями своего мнения о текстах к иерархии отношения не имеет. Кроме того, в ходе обсуждения хозяин дневника выражает удивление, что известный и популярный в фандомных кругах автор негодует по поводу власти «монстров», отмечая, что это было бы скорее уместно слышать от автора, страдающего от собственной непризнанности и потому обвиняющего всех вокруг. Подобную же идею высказывает участник другой дискуссии, **Kamoshi**: «Не знаю ни одного случая затравленного по-настоящему талантливого автора. <...> Думаю, это была разновидность массовой, а не истинные таланты».

Н.В. Самутина в своих статьях обращает внимание на то, что русскоязычный фандом делится на группы, формирующиеся по возрасту или опыту письма, которые могут почти не пересекаться друг с другом [10]. Она же в отношении фандомного чтения приводит метафору «эмоционального ландшафта» [11]. Чтение фанфикшн – это вовлечённое, субъективное, эмоциональное чтение, и таковы вообще все фандомные практики. Эта идея легко объясняет несовпадение индивидуальных (точнее, групповых) взглядов на фанфикшн. Но, возможно, вопросы власти и иерархии тоже оказывают своё влияние на суждения участников фандома. Отмечая корреляцию между мнением пользователей и их статусом в фандоме, **Puhospinka** пишет: «Я понимаю, человеческая память избирательна. <...> Но надо же <...> осознавать реальность? <...> Вот, <пишут в посте>, были люди, которые пришли в фандом раньше, они диктовали, задавали тон, такая вот сложилась система, что

¹ См., напр.: *Lamb C.F., Veith D. Romantic myth, transcendence, and Star Trek zines. 1986; Jenkins H. Textual poachers: Television fans and participatory culture. 1992.*

² См., напр.: *Derecho A. Archontic Literature: A definition, a history and several theories of fan fiction. 2006.*

³ Этот ракурс рассматривается, напр., в работах Н.В. Самутиной [10, 11].

были крутые авторы, а был „второй сорт“ все остальные. Что за бред, удивляются те самые „крутые авторы“, я просто пришол и принес фички, никто меня не гнобил».

В ходе дискуссий возникает и обсуждается идея о том, что разный опыт нахождения в фандоме связан не только с субъективностью восприятия, но и с временной разницей прихода в фандом, а также с разницей площадок.

Идея о том, что фандомы меняются со временем, довольно широко и с разных позиций обсуждалась участниками флэшмоба. Некоторые связывают негативные изменения в фандомах с появлением анонимных сообществ. Другие уверены, что и в прошлом в фандоме хватало жестокости. Многие пользователи предлагают свои объяснения того, почему вся фандомная жизнь, в том числе обсуждение текстов, постепенно переместилась на анонимные сообщества. Например, **daana** называет в качестве одной из причин «многолетние попытки со стороны авторов регламентировать фидбек», т.е. требования к читателям оставлять подробные и развёрнутые комментарии к текстам, чтобы «вознаградить автора по заслугам».

Нарушение негласного социального договора, регламентирующего отношения между авторами и читателями, обсуждалось в рамках флэшмоба очень широко, в основном в двух направлениях: свобода самовыражения и мотивация творчества.

Расхождения по этим вопросам, по-видимому, связаны с более фундаментальной проблемой сущности фандомного творчества, которое одними членами фандома воспринимается как «серьёзная» литература, а для других является скорее удовольствием или способом избавиться от стресса. Это не взаимоисключающие подходы, они могут сочетаться в разных пропорциях; в разное время и в разных ситуациях один и тот же член фандома может склоняться то к одному, то к другому полюсу. Тем не менее столкновение этих подходов может приводить к серьёзным фандомным баталиям, непониманию и разочарованию. В идеале любовь к миру канона и персонажам, разделённая сообществом, и удовольствие от игры должны сглаживать возможные «слабости пера», и тогда фанфик, написанный и воспринятый как полагается, выполняет все положенные ему функции. Но иногда этого не происходит. Порой читатель склонен слишком буквально переносить стратегии критики из мира «большой» литературы в фанфикшн. «...проблема в том, что в фэндомы набегали люди из филолосреды. Это они с собой натащили зверино серьёзного отношения к фэндомному творчеству» (**Мэлис Крэш**). Иногда этот приём используется как средство установления иерархии. **Savarna** предлагает пример, когда фикрайтер начинает писать, чтобы пережить тяжёлый период в жизни, и вкладывает в текст свои реальные эмоции, а читатель, «возомнивший себя экспертом», начинает сравнивать его фанфик с текстами «монстров» фандома. «Отсюда и травмы, отсюда и ненависть к собственным текстам и это невольное почтение к какому-то высшему звену авторов».

В других случаях, наоборот, читатели, стремясь к удовлетворению личных и специфических потребностей, могут забыть о литературной составляющей фанфикшн. Именно в этом русле в рамках флэшмоба обсуждалась проблема «шапок» (кратких описаний, которыми принято предварять текст фанфика). Дискуссия возникла из-за претензий, предъявляемых разочарованными читателями, наткнувшимися в тексте фанфика на неприемлемый для

них контент, а также из-за стремления авторов предупредить подобные реакции и прописать в «шапке» слишком много подробностей. Данная практика, по отзывам некоторых участников, сводит на нет возможности художественного текста воздействовать на читателей.

Многие участники флэшмоба отмечают, что капризность читателей возросла со временем, и объясняют это «перенасыщением рынка», видя связь между ценностью каждого отдельного автора, наличием иерархии и качеством и количеством творчества. Правда, мнения о том, способствует ли иерархия творчеству, расходятся прямо противоположно, как и мнения о пользе ресурсов с правом свободной публикации. На таких архивах легко «захлебнуться в дерьме» (цитата из поста одного из участников), но в то же время есть возможность самому выбирать, строя «комфортное лично для себя окружение» (**Puhospinka**).

Важно отметить: то, что одни члены фандома воспринимают как иерархию, другие могут отказываться признать таковой или считать естественным и вполне желательным положением вещей, используя при этом примерно ту же аргументацию, которая применяется защитниками иерархии в профессиональном литературном сообществе; некоторые участники при этом выражают скепсис по поводу идей о свободе творчества и всеобщем равенстве. Об одном из архивов, где не было свободного размещения текстов, пользователь **lilith20godrich** пишет: «...в Лавочке выкладывали тексты, которые нравились лично хозяйкам архива. Просто нравились и все. Просто у них вкус был хороший, потому это место так ценили. Никакой протекции и рекомендаций я там не помню». Пользователь под ником **i_am_kei** пишет: «...мне как читателю система оценок всегда крайне импонировала – ну невозможно физически рыть тонны шлака ради поиска жемчужины». Подобно представителям литературного сообщества, часть фандомного сообщества полагает, что иерархия текстов по качеству существует объективно и может (и должна) быть выстроена для всеобщего удобства. «...ну тексты объективно есть отличные, есть читабельные, есть фигня, это нормально. И то, что читатель хочет читать первые, в крайнем случае вторые – это тоже нормально. И читатель всегда будет ратовать за некую систему отбора» (**i_am_kei**).

Из произведённого анализа флэшмоба видно, что одни его участники связывают иерархию в фандоме с насилием вышестоящих над нижестоящими, другие скорее приветствуют её, видя в ней признак того, что фанфикшн ничем не уступает «большой» литературе, а третьи отрицают её существование. Можно заключить, что в восприятии значительной части сообщества фандомная среда, которую некоторые исследователи склонны представлять как утопическое пространство равенства, отнюдь не является таковой.

Одной из задач данного исследования было выявление существующих в фандоме механизмов выстраивания иерархии. Анализ постов участников флэшмоба показывает, что многие из них считают, что важнейшим механизмом выстраивания иерархии является очередность прихода в фандом. В некоторых постах звучит желание сбросить с пьедестала «монстров» фандома, которые, придя в фандом раньше, заняли «властные позиции» и сочли себя вправе решать, какие тексты хороши, а какие плохи. Подозревая, что идея об объективном превосходстве имеющих власть над подвластными может яв-

ляться инструментом власти, многие участники флэшмоба вопрошают: «а судьи кто?»).

Иронизируя по поводу этого вопроса, пользователь **BRITVA** пишет: «Никто не свергал злобных монстров в неравной борьбе за гражданские свободы, <...> просто в 2004 была другая выборка активных пользователей Интернета, старше и образованнее, и условные «монстры и им сочувствующие» – высшее образование, 20+, эрудиция-кругозор-вкус выше среднего по палате были в большинстве и диктовали социальные нормы, да, в том числе и личным авторитетом».

Из этого поста можно вынести ещё два маркера социального статуса в фандоме: образование и возраст. Эти данные, в общем, согласуются с теми, которые были получены Н.В. Самутиной. Несмотря на то, что в её исследованиях не говорится прямо об иерархии в фандоме, в них можно найти указания на её присутствие. «Авторы наиболее признанных в сообществе, популярных, обсуждаемых текстов русского „Гарри Поттера“ в основном принадлежат к поколению 30–40-летних, у них высшее образование и высокая профессиональная квалификация <...>. К творчеству тинейджеров эта группа относится с иронией, их принято дразнить „деффачками“ и глумиться над их неграмотностью и шаблонным письмом» [10. С. 153–154]. M.L. McCudden в своей работе [1] называет возраст и пол двумя показателями, которые влияют на статус фаната, но в исследуемых нами сообществах пол, в отличие от возраста, не является таковым, поскольку мужчины в них практически не встречаются. Кроме того, согласно данным M.L. McCudden, на уровень статуса в фандоме также влияет объем официальных полномочий, денежных инвестиций и культурного и социального капитала. В нашем случае нельзя заключить что-то определённое о роли денежных инвестиций, хотя они могут иметь значение в группах, образующихся вокруг определённых фандомных практик (например, косплея). Что касается объёма официальных полномочий, владельцы разных фандомных ресурсов и модераторы действительно часто пользуются большим авторитетом, то же самое может относиться к капитанам команд во время разных командных мероприятий (фестов, конкурсов). Однако наибольшее значение имеет социальный и культурный капитал. Известность в фандоме, широкую сеть социальных связей, близкое знакомство и дружбу с другими известными членами фандома (иногда особое значение как маркер действительной близости приобретает знакомство вне Интернета) можно отнести к ценящимся в фандоме аспектам социального капитала. К культурному капиталу относятся образование, эрудиция и специальные знания (как профессиональные, так и имеющие отношение к фандому), но главное – производимый пользователем фандомный контент и полученные в фандоме знаки отличия, такие как оценка текста на том или ином ресурсе (например, количество «снитчей» на сайте hogwartsnet.ru) или победы в фандомных конкурсах. Пользователь **Rassda** характеризует это так: «...а вообще монстры вроде как крутая тусовка старшеклассниц, куда всем хочется. Только вот проблемка: надо выдавать часто и много годного контента, тогда и будешь монстром».

Определённую роль в создании статуса может сыграть также специфика фандомной деятельности. Представитель непопулярного фандома, если он верен исключительно ему, редко имеет шанс получить широкую известность,

хотя в рамках своего маленького сообщества он может иметь большой авторитет. То же относится к членам фандомов, даже популярных, которые, например, являются приверженцами непопулярного пейринга. Во многих фандомах существует некая иерархия пейрингов, и, как показал флэшмоб, авторы фанфиков, чьё видение отличается от общепринятого, могут подвергнуться остракизму со стороны других членов сообщества. Иногда статус может зависеть от того, предпочитает ли фикрайтер гетный пейринг (гетеросексуальную романтическую пару) или слэшный (гомосексуальную романтическую пару). Например, фандом «Гарри Поттера» «в массе наиболее качественных образцов ориентирован именно на слэш: недовольство уровнем гета и недостаток хорошего джена¹ составляют в русском фандоме постоянный фон обсуждений» [10. С. 146].

Принимая это во внимание, становится ясно, что фандомное сообщество выстраивает иерархию по определённой схеме, и, кроме перечисленных маркеров, прибегает к тем же стратегиям, что и профессиональное литературное сообщество. Н.В. Самутина утверждает, что фанфикшн как опыт письма и чтения полностью выносит «за рамки профессиональное институциональное устройство литературы, ее коммерческий характер, ее способность делать нас теми, кто „знает имена“, и самоутверждаться в обществе за счет символического культурного капитала» [10. С. 154]². Но идеи объективно существующей культурной иерархии, важности и объективности экспертного мнения, необходимости квалифицированного отбора и ранжирования текстов весьма распространены в фандомной среде, что делает её гораздо более похожей на профессиональное литературное сообщество, чем мы привыкли думать.

Фанфикшн является последовательным отражением идеи о смерти автора, или, точнее, свержении авторского режима, — если ранее лишь создатель канонического произведения имел исключительное право распоряжаться его событиями и героями, то теперь это право делит с ним всё фандомное сообщество. Однако, разрушив иерархию автора-читателя, руководствуясь лозунгом о свободе творчества, фандомное сообщество выстроило свою иерархию, которая теперь вновь ставится под сомнение самими же членами сообщества.

Появление анонимных сообществ воспринимается многими членами фандома, принявшими участие в флэшмобе «я не боюсь творить», как попытка вернуть себе свободу высказывания, задавленную как авторитетом влиятельных фикрайтеров, чьи тексты были недостижимы для критики, так и попытками со стороны фикрайтеров регламентировать эту критику. Увеличение же объёма контента, по мнению некоторых участников, снижает ценность отдельного автора, при этом давая возможность самостоятельно выстраивать для себя более комфортную фандомную среду. Однако анонимные площадки

¹ Джен — «жанр» фанфикшн, подразумевающий отсутствие ярко выраженной романтической составляющей.

² В более поздней работе Н.В. Самутина справедливо указывает на двойственное отношение к «высокой» культуре, т.е. одновременно постоянную апелляцию к ней и отстаивание своего права на независимое от неё эмоциональное чтение [11]. Также упоминается использование обращения к авторитету классики как средства указания «участникам сообществ на их место и их уровень» (т.е. средства выстраивания иерархии). Однако исследовательский анализ в цитируемой работе сосредоточен на альтернативных стратегиях чтения, выработанных фандомом, а не на том, как в нём самом выстраиваются и функционируют иерархии.

также вызывают недовольство многих членов сообщества в связи с возросшим уровнем агрессии и уменьшением количества обратной связи. Насилие, ранее порождаемое иерархией, не исчезает, а лишь становится более беспорядочным.

События флэшмоба «я не боюсь творить», который можно понимать как общественное обсуждение фандомной иерархии, позволяют нам взглянуть на русскоязычный фандом как на сложное, противоречивое явление, включающее в себя одновременное освобождение от произвола «единственно верного» видения, существующих в литературе иерархий и авторитетов, и – продолжающуюся драматическую борьбу за власть, сложные социальные отношения и наличие собственных авторитетов. Интересно также, что этот флэшмоб произошёл за несколько месяцев до закрытия «Журнального зала», которое, в свою очередь, породило бурную дискуссию об иерархии в литературе. Эта параллель наводит на мысль о том, что за этими отдельными событиями лежат серьёзные изменения, происходящие в культуре и обществе в целом.

Литература

1. McCudden M.L. Degrees of fandom: authenticity & hierarchy in the age of media convergence (Unpublished doctoral dissertation). University of Kansas, Lawrence. 2011. 162 p. URL: https://kuscholarworks.ku.edu/bitstream/handle/1808/9757/McCudden_ku_0099D_11915_DATA_1.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 20.08.2019).
2. Алехин А.Д. «Интернет демократичен, а искусство – нет» [Текст] : интервью / беседу вел П. Рыжова // Интернет-издание «Газета.ру». 2013. URL: http://https://www.gazeta.ru/culture/2013/12/10/a_5796545.shtml (дата обращения: 20.08.2019).
3. Алехин А.Д. Отчего рыбы разучились летать (заметки редактора) // Арион. 2018. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/arion/2018/3/otchego-ryby-razuchilis-letat.html> (дата обращения: 20.08.2019).
4. Булдакова Ю.В. Литературный лубок и фан-фикшн: трансформация текста в публикациях массовой литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-1 (60). С. 14–18.
5. Васильева Е. Толстые литературные журналы в Петербурге под угрозой. Почему это должно кого-то волновать? // Интернет-портал «Поребрик.медиа». 2019. URL: <https://porebrik.media/2019/06/27/tolstye-zhurnaly> (дата обращения: 20.08.2019).
6. Иванова И.Н., Иванова А.С. Фанфикшен (fan fiction) как жанр массовой литературы: стереотипы гендерного сознания «афтаров» // Культ-товары: Феномен массовой литературы в современной России: сб. ст. / под ред. И.Л. Савкиной, М.А. Черняк. СПб. : СПбГУТД, 2009. С. 135–137.
7. Пищикова Е. «Альфа-самки». Тайна романтического фэнтези: новые способы потребления текста // Интернет-портал «Горький». 2016. URL: <https://gorky.media/context/alfa-samki> (дата обращения: 20.08.2019).
8. Почему всем нужен «Журнальный зал». Закрытие ЖЗ комментируют Иван Толстой, Модест Колеров, Максим Кронгауз и другие // Интернет-портал «Горький». 2018. URL: <https://gorky.media/context/pochemu-vsem-nuzhen-zhurnalnyj-zal> (дата обращения: 20.08.2019).
9. Прасолова К.А. Фанфикшн: литературный феномен конца XX – начала XXI века (творчество поклонников Дж.К. Ролинг) : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2009. 232 с.
10. Самутина Н.В. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 3. С. 137–191.
11. Самутина Н.В. Практики эмоционального чтения и любительская литература (фанфикшн) // Новое литературное обозрение. 2017. Т. 143, № 1. С. 246–269.

Larisa V. Peigina, National Research Tomsk State University (Russian Federation).

E-mail: larisa.mareeva@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2019, 35, p. 114–125.

DOI: 10.17223/22220836/35/11

THE PROBLEMS OF THE CREATIVE HIERARCHY IN RUSSIAN-SPEAKING FANDOM COMMUNITIES BY THE EXAMPLE OF THE FLASH MOB «I AM NOT AFRAID TO CREATE»

Keywords: fan fiction; fandom; fan community; authority; hierarchy.

Relevance of the study. Fanfiction, according to the researchers, is a manifestation of the modern trend towards the democratization of art. However, the public discussion of the fandom hierarchy, which took place as part of the flash mob “I am not afraid to create”, held in the spring of 2018 on diary.ru, not only allows us to take a fresh perspective on the problems of the creative hierarchy in the Russian-speaking fandom, but also contributes to a deeper understanding of how hierarchical relations are created, exist, and challenged in culture in general.

Purpose. Based on the materials of flash mob “I am not afraid to create”, to offer a new perspective on the creative hierarchy within the Russian-speaking fandom communities.

Tasks. To analyze the main features of the research discourse in understanding the fandom hierarchy; to consider the positions available in the Russian-speaking fan community regarding the creative hierarchy; to identify the mechanisms of building a hierarchy in the fandom; to compare the creative hierarchy of the fandom and the professional literary community in Russia.

Methods. The study is based on a set of qualitative cultural and sociolinguistic methods, combining the methods of included observation and case studies, as well as elements of content analysis, narrative analysis and discourse analysis.

Research result. The widespread research view, representing fan fiction as a phenomenon that destroys hierarchies and considering fandom communities as spaces of equality, does not seem to reflect the complexity of the phenomenon. The flash mob “I am not afraid to create” revealed a difference in points of view on the hierarchies in the community (lack of hierarchy, hierarchy as violence, hierarchy as inevitability and benefit), and some users trace the correlation between the participants’ views and their status in the community. The literal transfer of critical strategies from the “big” literature to the fandom environment can be used as a way to build a hierarchy. Also, the order of arrival in fandom, age, specifics of fandom activity, official authority, social and cultural capital (social connections, education, knowledge, and most importantly, user-generated fandom content and marks of excellence received in the fandom) are common mechanisms for building a hierarchy in the Russian-speaking fandom.

Conclusions. Having destroyed the author-reader hierarchy, the fandom community has built its own hierarchy, which is now again disputed by the community members themselves. In the process of the ongoing struggle for power and authority, the Russian-speaking fandom community easily borrows both strategies for building a hierarchy (in particular, those adopted in the professional literary community) and methods of dealing with it (in particular, feminist discourse).

References

1. McCudden, M.L. (2011) *Degrees of fandom: authenticity & hierarchy in the age of media convergence* (Unpublished doctoral dissertation). University of Kansas, Lawrence. [Online] Available from: https://kuscholarworks.ku.edu/bitstream/handle/1808/9757/McCudden_ku_0099D_11915_DATTA_1.pdf?sequence=1&isAllowed=y (Accessed: 20th August 2019).
2. Alekhin, A.D. (2013) “Internet demokratischen, a iskusstvo – net” [“The Internet is democratic, but art is not”]. [Online] Available from: http://https://www.gazeta.ru/culture/2013/12/10/a_5796545.shtml (Accessed: 20th August 2019).
3. Alekhin, A.D. (2018) Otchego ryby razuchilis' letat' (zametki redaktora) [Why fish forgotten how to fly (the editor's notes)]. *Arion*. 3. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/arion/2018/3/otchego-ryby-razuchilis-letat.html> (Accessed: 20th August 2019).
4. Buldakova, Yu.V. (2016) Cheap literature and fan fiction: text transformation in popular literature. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 6-1(60). pp. 14–18. (In Russian).
5. Vasilyeva, E. (2019) *Tolstye literaturnye zhurnaly v Peterburge pod ugrozoy. Pochemu eto dolzhno kogo-to volnovat'?* [Literary magazines in St. Petersburg under threat. Why should anyone care?]. [Online] Available from: <https://porebrik.media/2019/06/27/tolstye-zhurnaly> (Accessed: 20th August 2019).
6. Ivanova, I.N. & Ivanova, A.S. (2009) Fanfikshen (fan fiction) kak zhanr massovoy literatury: stereotipy gendernogo soznaniya “afflarov” [Fan fiction as a genre of mass literature: stereotypes of

“author’s” gender consciousness]. In: Savkina, I.L. & Chernyak, M.A. (eds) *Kul't-tovary: Fenomen massovoy literatury v sovremennoy Rossii* [Cult-goods: The phenomenon of mass literature in modern Russia]. St. Petersburg: Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. pp. 135–137.

7. Pishchikova, E. (2016) “Al'fa-samki”. *Tayna romanticheskogo fentezi: novye sposoby potrebleniya teksta* [“Alpha females”. The Secret of Romantic Fantasy: New Ways to Consume Texts]. [Online] Available from: <https://gorky.media/context/alfa-samki> (Accessed: 20th August 2019).

8. Tolstoy, I., Kolerov, M., Krongauz, M. et. al. (2018) *Pochemu vsem nuzhen “Zhurnal'nyy zal”*. *Zakrytie ZhZ kommentiruyut Ivan Tolstoy, Modest Kolerov, Maksim Krongauz i drugie* [Why does everyone need a “Journal Hall”. The closure of the LJ is commented on by Ivan Tolstoy, Modest Kolerov, Maxim Krongauz and others]. [Online] Available from: <https://gorky.media/context/pochemu-vsem-nuzhen-zhurnalnyy-zal> (Accessed: 20.08.2019).

9. Prasolova, K.A. (2009) *Fanfikshtn: literaturnyy fenomen kontsa XX – nachala XXI veka (tvorchestvo poklonnikov Dzh.K. Roling)* [Fanfiction: a literary phenomenon of the late 20th – early 21st century (the fandom of J.K. Rowling)]. Philology Cand. Diss. Kaliningrad.

10. Samutina, N.V. (2013) The Great Female Readers: Fan Fiction as a Literary Experience]. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 12(3). pp. 137–191. (In Russian).

11. Samutina, N.V. (2017) *Praktiki emotsional'nogo chteniya i lyubitel'skaya literatura (fanfikshtn)* [Practices of emotional reading and amateur literature (fan fiction)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 143(1). pp. 246–269.